

В СТРАНЕ ПРАЩУРОВ

В Коломбо выехал рано утром и занял место в вагоне по левой стороне: так советовал путеводитель; кроме того, справа шел за окнами вагона слишком ослепительный блеск солнца, несмотря на то, что над окнами, как во всех тропических поездах, был навес.

Поезд шел сначала по обработанным равнинам, среди кокосовых пальм и прочих растений, свойственных низменностям острова, среди рисовых нив, минуя инга а маленькие селения. Потом железная дорога стала постепенно подниматься, потом снова спустилась и пошла по долине, страшной своими лихорадками, именуемой Долиной Теней Смерти. Вдали уже виднелись двойные вершины Алагаллы.

Когда переменяли обыкновенный паровоз на горный, пересел к окну направо. Дорога пошла среди гор, по их скатам, изгибаясь по обрыву громадной горы, прошла десять туннелей. Видел под ними глубокую долину, за долиной тонущие в солнечном тумане вершины Верблюжьей Горы и Горы Библии. Дальше дорога стала только уступом на гранитной скале Алагаллы, над головокругительной бездной.

Возле Перадени поезд пересек по мосту реку Махавели.

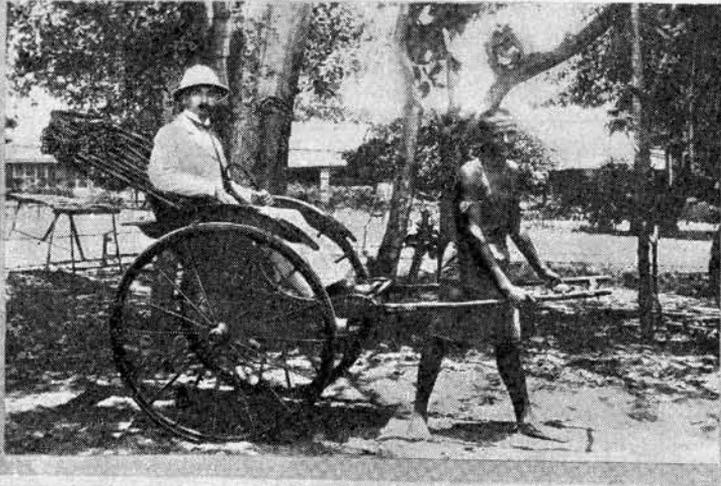
Сад Перадени был в десяти минутах ходьбы от станции.

Там поместился в правительственной гостинице против входа в сад. Это было большое одноэтажное строение с просторной верандой. Белую крышу ее поддерживали грубые деревянные колонны; между колоннами висели горшки с цветами; на деревянном полу веранды всюду были разбросаны большие кресла с далеко выступающими вперед подлокотниками, куда клали ноги все лежащие в этих креслах, на веранду выходили двери четырех комнат.

В гостинице не оказалось ни одного жильца. Свободно выбрал себе одну из этих комнат, очень обширную и высокую, без потолка, — деревянная крутая крыша падала своими откосами не прямо на стены, а на столбики, стоящие вдоль стен, так что воздух всегда мог ходить по комнате. В ней все было просто, прочно, а у стены стояла прочная железная кровать, возле другой — умывальник, между двумя окнами, выходившими на веранду, стоял большой деревянный стол; в одном углу ровно жужжал под крышей электрический вентилятор. С другой стороны к комнате примыкал широкий и грубый бревенчатый коридор: в конце его была большая и все-таки всегда горячая от зноя, душная уборная, где стояло ведро с песком, которым нужно было засыпать жерло отхожего места, — тут же стояла цинковая ванна, в которую слуга должен был натаскивать воду ведрами.

В седьмом часу утра ходил купаться в этой ванне, — она была уже налита, и слуга стоял возле нее, выжидательно и подобострастно улыбаясь, с босыми смуглыми ногами, в белом халате, женственно полный, с волосами по-женски длинными и зачесанными назад, схваченными на темени круглым черепаховым гребнем, блестящим, как вороново крыло. Испулавшись, пил у себя чай, — все тот же и все так же улыбающийся слуга приносил поднос с чайником, горячим тостом и вареньем-желе. Затем шел в сад. В саду было жарко, роскошно и парно, пахло теплой водой реки, окружавшей его с трех сторон; сад особенно был богат видами лиан, пальм, бамбуков, орхидей и теми особыми растениями, которые питаются пожиранием насекомых. В полдень возвращался к завтраку, ел вареную и безвкусную местную рыбу, жесткое вареное мясо, огненные керри и фрукты.

После завтрака сидел на веранде и читал, положив ноги на подлокотники, в четыре часа пил чай, потом снова шел в сад, к семи возвращался домой, брал ванну и обедал: снова жесткая говядина или австралийская

Ив. Бунину На Цейлон. Март 1911

БУНИН В КОЛОМБО

Фотография, 1911

Внизу автографическая подпись Бунина и его помета: «На Цейлоне. Март 1911 г.»; на обороте его же рукой: «Colombo»

Парижский архив Бунина

баранина, какая-нибудь дичь, опять-таки вареная, безвкусная, плоды и сыр. После обеда опять сидел на веранде, пил сода-виски и думал, думал.

Веранда была широка и длинна. Перед ней расстился зеленый луг, дальше стояла великолепная гуща сада. Быстро темнело, потом на минуту странно, сказочно светлело — и все тонуло в черной теплой темноте. Иногда с громким жужжанием ударялся в грудь громадный жук и гудел, запутавшись в складках легкой белой одежды; плавными точками, потухая и загораясь, плыли в разные стороны зеленые огоньки светящихся мух; бесшумно, с ласковым, чуть слышным гортанным говором проходили сингалезы, низко светя огоньками фонарей возле ног — от змей. А ночью из темноты непрерывно раздавалось короткое чиканье: зажигал спичку и видел скользящего по стене огромного, плоского серо-чешуйчатого хамелеона — на мгновение мелькал отблеск спички в его глазах с узким кошачьим зрачком. Потушив же спичку, чувствовал, как все существо таяло, растворяясь в этой черной, теплой тьме.

Часто ходил в непролазные леса, окружавшие Перадению. Там, в этих влажных зарослях, так все кишело громадными черными пиявками, что выше колен нужно было обвивать ноги бинтами; по целым часам наблюдал там работу термитов, в непрерывном движении которых сверху донизу чернели их высокие конусообразные домики; наблюдал жизнь «стыдливой» мимозы: как только протягивал руку к ней, она тотчас же быстро складывала свои светло-зеленые перистые листочки, быстро опускала их вниз и прятала между широкими стеблями своими; иногда плавал в пироге по Махавели, быстро крутившейся желтыми клубами.

Город Кенди был в древности столицей сингалезского царства. Он лежит в горной котловине, среди лесистых холмов. Искусственное озеро его имеет две мили в окружности. Кенди брали португальцы и голландцы,

сто лет тому назад его осадили и взяли англичане — и сингалезский царь сжег весь город, так что уцелел лишь священный Храм Зуба.

Храм Зуба — это древние, черные зубцы крепостных стен и низкая осьмиугольная башня с острой крышей. Богослужение совершается в нем утром и вечером, каждый раз в шесть часов. Храм — узкий колонный зал, на задней стене его страшное изображение мучений в аду. Дверь в орнаментах ведет в четвероугольный двор, окруженный колоннами, посреди которого стоит часовня с Зубом Будды. При входе в нее стоят на жертвеннике бронзовые тарелки с густо и сладко благоухающими цветами Храмового Дерева. Здесь же стоят и музыкальные инструменты для богослужения.

Наглядевшись на священные черепки в канале, окружавшем Храм Зуба, входил в Храм. Народ смиренно и быстро нес на жертвенник рис, цветы, мелкие монеты и, кланяясь, шепотом возносил моления Садгу, Доброму, Несравненному, соединял ладони у лба, быстро и бесшумно падал на них, и жрец, стоя среди лежащих, мерно бормотал, — читал тоненькие пальмовые дощечки, исписанные правилами доброго поведения. Выйдя из Храма, смотрел, как неподвижное озеро становилось зеркально-розовым от заката, как оно потом покрывалось золотым блеском, и слушал древесных лягушек, тысячами звеневших вокруг, подобно бесчисленным жестяным колокольчикам. Потом, полулежа, мчался в глубокой темноте <на> рикше по бесконечной сводчатой аллее, ведущей в Перадению, и глядел, как мелькали кругом крохотные лампочки внутри сингалезских лесных хижин.

<1911>

МКТ. Машинописная копия.

Очевидно, отрывок из путевого дневника, который Бунин вел в 1911 г. во время путешествия на Цейлон (ср. «Воды многие». — Собр. соч. 1965—1967, т. 5, стр. 313—337 и 528). По содержанию примыкает к рассказу «Третий класс» (первоначальное название «Записная книжка» — там же, стр. 31—33, 512).

В отрывке описана поездка из Анарадхапуры, где Бунин осматривал памятники древней архитектуры (см. там же, стр. 130—138), до Перадени — небольшого городка на пути в Коломбо. Бунин остановился в Перадени, чтобы побывать в одном из самых замечательных ботанических садов Азии и посетить расположенный поблизости город Канди (Кенди) — бывшую столицу сингалезского государства, где сохранилась древнейшая святыня цейлонского буддизма — Храм Зуба Будды.

Впечатления от путешествия по склонам Алагаллы отразились в стихотворении «Цейлон. Гора Алагалла» (там же, т. 1, стр. 372).

БОГИНЯ РАЗУМА

Предисловие А. К. Бабореко

В основу этого рассказа положен исторический эпизод — «Празднество Разума» («La Fête de la Raison»), состоявшееся в Париже 10 ноября 1793 г. По замыслу Пьера Шомета, одного из руководителей левых якобинцев, это торжество должно было символизировать освобождение человеческого разума от пут католической религии.

Празднество началось в Соборе Парижской богоматери, где была разыграна сцена из оперы Госсекса «L'Offrande à la Liberté» («Жертвоприношение Свободе»): хор «поклонников свободы» прославлял «Богиню Разума». Затем, в сопровождении торжественной процессии, «Богиня» проследовала в Тюильри, где ее от имени французского народа приветствовали члены Конвента.

«Богиню Разума» изображала актриса Тереза Анжелика Обри (Aubry, 1772—1829), драматическая судьба которой и привлекла внимание Бунина. В рассказе о ней, так же как и в отношении самого праздника, он пользуется работами Ленотра,